держивался французского текста. Иногда, правда, он позволял себе небольшие добавления, стремясь усилить дидактический смысл басни. Характерна в этом отношении концовка басни «Священник и больной», в которой положительным персонажем оказывается бедный старик, всегда довольный своей участью и умирающий без страха. Лихтвер, а за ним и французский переводчик не говорят о надеждах старика на «вечное блаженство». Для Рахманинова этот момент представляется важным (достаточно вспомнить в связи с этим, что споры о бессмертии души в России приняли особенно острый характер в 1770—1780-е годы), и он дополняет речь старика следующим образом: «Когда милосердный бог <...> столь долгое время соблаговолил, чтобы я наслаждался приятностями здешней жизни; то я надеюсь, что и в будущей, по его беспредельной благости, буду я вкушать обещанное от него вечное блаженство».[9]

В переводах Рахманинова заметно стремление несколько приблизить содержание басен к русской жизни. Это делалось очень осторожно, вводились какие-то совсем незначительные штрихи, но они помогали русскому читателю увидеть в произведении немецкого автора нечто близкое и знакомое, заинтересовывали его, заставляли почувствовать некоторую причастность к тому, о чем говорилось в басне. Герой басни Лихтвера «Жмурки» («Die blinde Kuh») Görge, названный французским переводчиком Blaise, превращается у Рахманинова во Власа; французское слово «l'habit» в русском переводе передается как «Кавтан» («Разговор Бархатного кавтана с Подушкою»). Вообще в языке Рахманинова встречаются русизмы, придающие его переводам определенный колорит: «surtout» переводится «всего пуще», «vous me crierez» — «вы мне о том сказывайте». Эти особенности языка переводов Рахманинова, как и само обращение его к басенному жанру, — факт, заслуживающий внимания. Басни, переведенные Рахманиновым, служили в некотором смысле образцом для начинающего литератора — молодого Крылова. Можно даже проследить, как некоторые темы Лихтвера были разработаны вскоре в «Почте духов», а затем и в баснях Крылова.

Особенно интересна в этом отношении басня «Разговор Бархатного кавтана с Подушкою». Вещи разговаривают о своем хозяине, причем Кавтан считает его безмятежным, счастливым человеком, наблюдая его поведение в обществе: «деньги расточает без всякого сожаления», поет песни, когда проигрывает деньги, и т. д. Но Подушка видит хозяина совсем иным: он страдает и мучается, как самый несчастный человек. Мораль басни такова: «А сие значит то, что на истинное состояние действующего лица надлежит взирать тогда, когда сойдет он с позорища света».[10] Возможно, эта басня подсказала Крылову

[9] Утренние часы, 1788, ч. I, с. 189.
[10] Там же, с. 47.